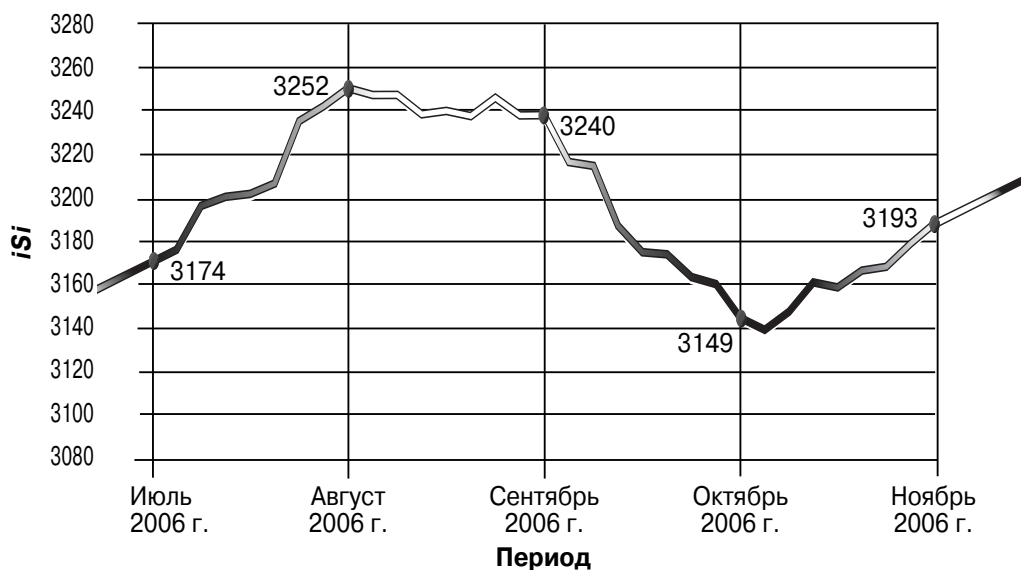

График 1. Индекс международной безопасности *iSi* (июль – ноябрь 2006 г.)

➔ *Вера Гаврилова, Павел Мансуров, Владимир Орлов. ИНДЕКС *iSi* – УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ИНДЕКС МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ*

➔ *Юрий Федоров. ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: УМИРОТВОРИТЕЛИ И КРОКОДИЛЫ.*

➔ *Дмитрий Евстафьев. ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: АПОКАЛИПСИС? – NO!*

➔ *Мариан Абишева, Тома Гомар, Сержио Дуарте, Андрей Кортунув, Рама Мани, Уильям Поттер, Абдулазиз Сагер, Евгений Сатановский, Екатерина Степанова, Цзи Чжие, Константин Эггерт. КОММЕНТАРИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ГРУППЫ ПРИ ПИР-ЦЕНТРЕ*

ИНДЕКС *iSi* – УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ИНДЕКС МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Индекс *iSi* (*international Security index* – произносится: *ай-си*) – это универсальный индекс международной безопасности, разработанный ПИР-Центром в результате работы в рамках длящегося уже более года проекта и в настоящее время проходящий международную апробацию.

Целью *iSi* является разработка количественного исчисления динамики общемировых процессов, объединенных понятием «международная безопасность». Индекс *iSi* призван показать, насколько международная ситуация с точки зрения безопасности отличается от *идеальной* на каждый конкретный момент его определения. Он также показывает, как эта ситуация меняется под воздействием различных факторов военного и невоенного характера.

Не претендуя на полноту и законченность определения, для целей вычисления индекса мы понимаем «международную безопасность» как интегрированный показатель состояния современного мира с точки зрения наличия или отсутствия угроз физической безопасности и экономическому благополучию граждан нашей планеты. Величина этого показателя отражена в *iSi* и оценивается нами с точки зрения масштабности названных угроз, длительности их воздействия и вероятности эскалации от локального на региональный и далее на глобальный уровень. При этом, исходя из приведенной выше формулировки, совершенно очевидно, что при вычислении *iSi* должны быть учтены как военные, так и невоенные факторы, в том числе и оказывающие влияние на экономическую составляющую безопасности.

Идея создания универсального индекса международной безопасности принадлежит члену Редколлегии журнала *Индекс Безопасности*, заместителю главного редактора газеты *Коммерсант* А.А. **Мурсалиеву**. Мы выражаем ему искреннюю признательность за то, что он столь щедро поделился с ПИР-Центром своими идеями и наработками и активно содействовал и содействует продвижению нашего проекта.

В рамках проекта была создана Рабочая группа, и на разных этапах к обсуждениям подключались И.А. **Ахтамзян**, А.В. **Булычев**, В.З. **Дворкин**, Сержио **Дуарте** (Бразилия), Д.Г. **Евстафьев**, Ф.И. **Ладыгин**, Джулиан **Линдли-Френч** (Великобритания), Н.Б. **Логотова**, Рама **Мани** (Индия), С.Г. **Мурсанков**, А.И. **Никитин**, А.А. **Пионтковский**, Е.Я. **Сатановский**, Е.А. **Степанова**, Ю.Е. **Федоров**, А.В. **Хлопков**, В.Н. **Цыгичко**, К.П. **Эггерт**. Наша особая благодарность – заведующему отделом стратегических исследований Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, члену Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра А.Г. **Савельеву** за проведение экспертных работ на завершающем этапе проекта.

С благодарностью отмечая вклад многих друзей ПИР-Центра на разных этапах становления и развития проекта, высоко ценя их помощь и критические замечания, мы, тем не менее, должны подчеркнуть, что **всю ответственность за «финальный продукт» – методологию расчета *iSi* и его – пока что ежемесячные – изменения несет исключительно ПИР-Центр.**

Итак, *iSi* рассчитывается по оригинальной методике, разработанной ПИР-Центром. Он в целом показывает уровень состояния международной безопасности в военной, политической, экономической, экологической сферах. В нем также учитывается и фактор воздействия негосударственных субъектов (в частности, террористическая деятельность).

Главными характеристиками *iSi* являются **универсальность, устойчивость и наглядность**. В *iSi* в концентрированной форме нашли свое отражение большое количество факторов, которые оказывают непосредственное влияние на международную безопасность. В их число входят: угроза всеобщей ядерной войны, количество и интенсивность локальных конфликтов, уровень политических отношений между отдельными странами и международными организациями, интенсивность и масштабы террористической дея-

тельности, стабильность мировой экономики и угроза со стороны техногенных катастроф и эпидемий.

iSi по своей структуре состоит из двух основных частей. Первая – это базовое значение индекса. Оно рассчитывается на основе экспертных оценок вероятности наступления тех или иных событий глобального и регионального масштаба, которые непосредственно влияют на уровень международной безопасности. Каждому из таких событий присваивается определенный балл по разработанной шкале. Согласно методике расчета, сумма баллов растет при снижении вероятности наступления тех или иных событий, способных подорвать международную безопасность, и, соответственно, уменьшается при росте вероятности наступления таких событий. Сумма полученных баллов по каждому из названных факторов составляет базовое значение *iSi*, которое корректируется один раз в год. Каждая категория факторов (военные, политические, экономические, техногенные и терроризм) имеют свой *вес* в шкале приоритетов и корректируются на соответствующий коэффициент.

Вторая часть *iSi* рассчитывается на основе оценки фактических событий, влияющих на международную безопасность, которые произошли в мире за истекший месяц. Каждое из таких событий оценивается как по его положительной или отрицательной направленности с точки зрения международной безопасности, так и по уровню его влияния (слабое, умеренное, сильное) по разработанной шкале баллов. Степень влияния каждого из таких факторов корректируется в зависимости от страны или региона, в котором такое событие произошло. Для этой цели в *iSi* вводится соответствующий коэффициент значимости региона (от 1 до 9). Простановка положительных баллов по каждому отдельно фактору говорит о вкладе данного события в международную безопасность; отрицательных баллов – о негативном влиянии такого фактора.

Сам Индекс *iSi* рассчитывается по следующей формуле:

$$iSi = \sum_i k_{G_i} \times \text{Глоб.ф.} + \sum_i k_{R_i} \times \text{Регион.ф.} + \sum_i k_{L_i} \times \Delta_j \times \text{Лок.ф.},$$

где

k_{G_i} — коэффициенты *взвешивания* глобальных факторов;

k_{R_i} — коэффициенты *взвешивания* региональных факторов;

k_{L_i} — коэффициенты *взвешивания* локальных факторов;

Δ_j — коэффициенты значимости региона.

Более подробно методология *iSi* раскрывается в интернет-представительстве ПИР-Центра по адресу <http://isi.pircenter.org>

Расчет *iSi* осуществляется, начиная с 1 июля 2006 г., на ежемесячной основе. Рост или падение его абсолютного значения показывает, какие тенденции в сфере международной безопасности преобладали в мире за истекший период, какова была их направленность и глубина. Суммирование названных баллов дает базовое значение *iSi*, которое показывает, насколько существующая на момент оценки международная ситуация с точки зрения безопасности отлична от *идеального* состояния, когда любые угрозы отсутствуют вообще. За *идеальное* состояние принята цифра **4210 пунктов**.

Знакомиться с текущими изменениями *iSi* можно в интернет-представительстве ПИР-Центра по адресу <http://isi.pircenter.org>

Базовое значение *iSi* было рассчитано по состоянию на **1 июля 2006 г.** С этого момента *iSi* обрел самостоятельность и начал отражать изменения мировой ситуации с точки зрения ее безопасности по состоянию на каждый последующий месяц, начиная с июля 2006 г. В соответствии с методикой расчета все значимые события, которые произошли в течение «расчетного» месяца, были оценены по разработанной шкале и получили числовое выражение в зависимости от их характера, направленности, глубины, широты охвата и значимости региона, подверженного их влиянию. После этого сумма расчетных показателей соответствующих событий (с положительным или отрицательным знаком) была приплюсована к базовому значению *iSi*, которое на 1 июля 2006 г. составило **3209 единиц**. Таким образом, был вычислен индекс июля. *iSi* августа и последующих месяцев был рассчитан по аналогичной методике, за исключением того, что сумма расчетных показателей этих месяцев добавлялась не к базовому значению *iSi*, а к его значению предыдущего месяца.

Значение *iSi* по состоянию на **31 июля 2006 г.** составило **3174** единицы, что соответствует его **падению на 35** пунктов по сравнению с базовым значением. Это означает, что в данном месяце наблюдалось сравнительно незначительное преобладание отрицательных факторов, характеризующих международную безопасность, над положительными. По сравнению с июлем, в августе *iSi* **вырос на 78 единиц** и по состоянию на **31 августа** составил **3252 пункта**. Сентябрьский индекс немногим отличается от августовского – **3240 единиц, или снижение на 12 пунктов** по состоянию на **30 сентября**. А вот в октябре значение *iSi* резко упало – **на 91 пункт** и по состоянию на **31 октября** составило **3149 единицы**. Наконец, 30 ноября 2006 г., незадолго до подписания этого номера в печать, *iSi* вырос на **44 пункта** и составил **3193 единицы**. Подробную хронологию событий с июля по ноябрь 2006 г., повлиявших на *iSi*, смотрите в интернет-представительстве ПИР-Центра по адресу <http://isi.pircenter.org>

Ежемесячное измерение *iSi* ПИР-Центр сопровождает опросом **Международной экспертной группы**, в которой представлены эксперты из России, Казахстана, Бразилии, Индии, КНР, США, Франции, Саудовской Аравии и др. Экспертные оценки, никак не влияя на вычисленную нами величину индекса, тем не менее позволяют проследить, как воспринимается наш замер за данный конкретный месяц и, в частности, динамика *iSi* в течение нескольких месяцев в различных регионах мира.

**Вера Гаврилова
Павел Мансуров
Владимир Орлов**

ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: УМИРОТВОРИТЕЛИ И КРОКОДИЛЫ

Лето и первые осенние месяцы 2006 г., скорее всего, войдут в историю мировой политики как один из ее наиболее напряженных, возможно, критических и даже переломных периодов.

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ ВРЕМЕН УПАДКА?

На протяжении почти всего этого времени эпицентром международной конфликтности оставался Ближний Восток. Война в Ливане заметно изменила стратегическую архитектуру этого региона. На его военно-политической сцене появилась сила, которой ранее не придавали особого значения – «Хизбалла», тесно связанная с иранским руководством¹. Поскольку Тегеран отказался принять компромиссные предложения, выработанные *группой шести*, на новый уровень эскалации вышла иранская ядерная проблема. На палестинских территориях не разрешены противоречия между двумя ведущими палес-

тинскими силами – «Хамас» и «Фатх», выливающиеся время от времени в вооруженные столкновения. В Ираке продолжается ожесточенная *bellum omnia contra omnes*, создающая все больше сомнений относительно возможности сохранения единого Иракского государства. Летом 2006 г. обострилось военно-политическое положение в Афганистане, в южных провинциях которого усилилась террористическая деятельность так до конца и не разгромленных талибов и действующих совместно с ними ячеек *Аль-Каиды*.

В начале осени 2006 г. резко осложнилась военно-политическая обстановка на Дальнем Востоке. Хотя северокорейские ракетные испытания в июле 2006 г. окончились неудачей, а успех ядерного испытания, проведенного на полигоне Хвэдэри 9 октября 2006 г., сомнителен, суть происходящих процессов в целом ясна – Пхеньян взял курс на радикальную эскалацию напряженности, пытаясь таким образом шантажировать мировое сообщество и добиться выполнения своих требований. Это может иметь тяжелые последствия. Ядерное испытание является *красной чертой*, перейдя которую северокорейский режим может спровоцировать своего рода «цепную реакцию» событий, способных в наихудшем варианте привести к военному решению корейской проблемы.

По-прежнему продолжалось этническое насилие в Дарфуре, внутренние и международные конфликты в других регионах Африки. При этом суданское правительство заняло обструкционистскую позицию относительно продолжения пребывания там миротворческих сил ООН. Не прекращался конфликт в Асехе. Сохранялось сложное положение в Восточном Тиморе и ряде других регионов мира. В Латинской Америке усилилось влияние левых сил, неформальным лидером которых становится президент Венесуэлы полковник Уго Чавес, личность, мягко говоря, с весьма противоречивой международной репутацией.

Уильям Поттер (США), директор Центра изучения проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований – по телефону из Монтерея: *Я не думаю, что международная ситуация изменялась существенно за указанный период в том, что касается международной безопасности. Тем не менее, я верю, что образование демократического большинства в Сенате и Палате представителей США могут ускорить уход США из Ирака, что, скорее всего, будет иметь наибольший положительный эффект в пользу региональной и глобальной стабильности.*

Не менее важно, что политические институты и механизмы, призванные обеспечивать международную безопасность и осуществлять *управление конфликтами*, оказались практически импотентными. Ни ООН, ни ближневосточный квартет, ни группа восьми, ни разнообразные дорожные карты, ни различные полуформальные группы, как, например, группа шести, созданная с целью проведения переговоров с Тегераном для решения иранской ядерной проблемы, не смогли предотвратить новую войну на Ближнем Востоке и северокорейское ядерное испытание, пресечь ядерные амбиции иранского истеблишмента и остановить другие опасные процессы. Видимо, оказалась несостоятельной сама концептуальная основа подхода такого

рода механизмов к острым международным ситуациям – поиск компромиссных решений, стратегия *вовлечения*, ориентированная не столько на *кнут*, сколько на *пряник*, в отношении с силами и режимами, подобными «Хизбалле», иранской и северокорейской правящим кликам, иным экстремистским элементам, во множестве действующим в обширных регионах *третьего мира*.

Обескураживающей является реакция западного общественного мнения, СМИ и некоторых исследовательских институтов на новую войну на Ближнем Востоке. Фактически, на *одну доску* были поставлены Израиль, являющийся постоянной жертвой террористической агрессии, и радикальные исламистские террористы, угрожающие, кстати говоря, не только Израилю, но и всей иудео-христианской цивилизации. Создается впечатление, что в Европе, а иногда и в США просто не хотят слышать то, что открыто заявля-

Ы
В
Р
О
С
С
Б
Е
Ц
С
О
Д
П
Х
Ы
В
О
М

ют радикальные исламские лидеры. Прав американский сенатор Джо Либерман, который недавно заметил: «Если и есть урок, который мы должны извлечь из событий 9/11, [...] так это то, что если кто-то говорит, подобно Усаме бен Ладену в 1990-е гг.: *я вас ненавижу и убью, как только представится случай*, он именно это и имеет в виду и попытается это сделать»².

Но не менее, а, может быть, и более тревожно, что и военные инструменты оказываются во многих случаях бессильными. Израильские войска не смогли разгромить полувоенные боевые формирования одной из самых опасных и радикальных ближневосточных террористических группировок – «Хизбаллы». Американские вооруженные силы вместе с союзниками не могут остановить нарастающую гражданскую войну в Ираке и навести порядок в Афганистане. Складывается впечатление, что **мировое сообщество или, точнее, современная иудео-христианская цивилизация оказывается беспомощной перед лицом новых угроз и вызовов. В сознании невольно возникает образ Римской империи времен упадка, гибнущей под ударами варварских племен.**

Таким образом, события, происходившие летом и осенью 2006 г., подтверждают, что если не будут найдены и применены на практике новые эффективные концепции, политические принципы и юридические нормы, а также работоспособные институциональные механизмы обеспечения международной безопасности, Европа, а затем Северная Америка и Россия окажутся раздавленными *новыми варварами*, и мир вступит в новую эпоху *темных веков*, подобную раннему Средневековью.

Не вызывает оптимизма внешнеполитическая и стратегическая линия России. Москва, похоже, окончательно отказалась от сформулированной президентом Путиным в начале десятилетия концепции сотрудничества с США в противодействии терроризму и иным новым угрозам. Нынешняя российская линия на мировой арене, скорее, нацелена на маневрирование между США, Европой и экстремистскими силами, формирование противостоящих США неформальных коалиций и союзов и, одновременно, ограниченное сотрудничество с США и другими западными странами там и тогда, где и когда это отвечает интересам России, разумеется, так, как их понимают сегодня в Москве.

Москва сегодня копирует политические и дипломатические традиции Российской империи, пытаясь жесткими методами восстановить свое влияние и доминирование в южной части бывшего СССР, прежде всего на Южном Кавказе. Итогом этого стало, в частности, резкое обострение российско-грузинских отношений, перспективы и последствия которого пока в полной мере не ясны. Нет ясности и в том, насколько новые амбиции Москвы опираются на ее реальные, а не предполагаемые экономические и военные ресурсы.

НОВЫЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Война в Ливане обозначила новый этап военно-политического развития Ближнего Востока. Она стала результатом крупномасштабной провокации иранского руководства, судя по всему, тщательно продуманной в Тегеране и успешно осуществленной руками подконтрольной ему «Хизбаллы». По-видимому, развязывая войну, Тегеран преследовал две цели. Первая – отвлечь внимание *группы восьми* от иранской ядерной проблемы и не позволить обсудить и принять на саммите в июле 2006 г. в Санкт-Петербурге программу действий на случай ожидавшегося отказа Тегерана от компромиссных предложений, сделанных незадолго до того *группой шести*. Вторая – продемонстрировать, что Иран обладает мощными рычагами воздействия на ситуацию на Ближнем Востоке и способен причинить мировому сообществу серьезные неприятности, если последнее примет жесткие меры в адрес Ирана. Обе эти цели были достигнуты. Лидеры государств – членов *группы восьми* вместо обсуждения иранской проблемы лихорадочно пытались в Санкт-Петербурге выработать реакцию на события в Ливане. Кроме того, Иран ясно продемонстрировал, что он является важным и активным элементом стратегической ситуации на Ближнем Востоке.

Начальным эпизодом новой ближневосточной войны, на сей раз, по сути дела, уже не арабо-израильской, но ирано-израильской, стало похищение израильского солдата боевиками «Хамас» в секторе Газа. Это отвлекло политическое внимание, военные и разведывательные ресурсы Израиля от северной границы, где «Хизбалла» начала подготовку к крупной террористической атаке. Последняя началась 12 июля 2006 г., за несколько дней до саммита *группы восьми*. Захват «Хизбаллой» двух израильских военнослужащих и другие террористические акты вызвали ответные действия Израиля, на которые «Хизбалла» отреагировала массированными ракетными обстрелами израильской территории.

К войне, разумеется, готовились обе стороны. После того как в 2000 г. по решению тогдашнего израильского правительства во главе с Эхудом Бараком Армия обороны Израиля «Цахал» покинула Южный Ливан, вся территория между рекой Литани и так называемой *голубой линией*, разграничивающей ливанскую и израильскую территории, оказалась под полным политическим и военным контролем «Хизбаллы». Последняя создала в этой гористой местности глубоко эшелонированную систему укреплений и бункеров, связанных подземными туннелями, защищенную минными полями с разветвленной сетью площадок для пусковых установок ракетных систем залпового огня типа *Град*. Фактически, все ливанские деревни и городки в этой зоне были превращены в опорные пункты «Хизбаллы». Мирные жители и их дома были предназначены для использования в качестве *живых щитов*.

Израильские военные, в свою очередь, не могли не готовиться к войне с тем, чтобы восстановить в Южном Ливане *зону безопасности*, то есть, как минимум, выдворить оттуда «Хизбаллу» и установить собственный контроль над территориями, с которых могли совершаться ракетные обстрелы Израиля. В качестве стратегической доктрины была взята американская концепция *бесконтактной войны*. Она отводит главную роль военно-воздушным силам, которые должны разгромить основные силы противника, подавить его способность вести боевые действия, а затем завершить *зачистку* местности сухопутными войсками.

В соответствии с этой доктриной выстраивалась израильская операция против «Хизбаллы». На первом ее этапе длительностью около трех недель израильские ВВС разрушили значительную часть ливанской транспортной инфраструктуры с тем, чтобы разорвать линии снабжения отрядов «Хизбаллы», действовавших в Южном Ливане, из Ирана и Сирии. Другая цель израильских ВВС состояла в том, чтобы уничтожить командные центры «Хизбаллы», систему ее опорных пунктов и пусковых ракетных установок в Южном Ливане.

Первая задача была в основном выполнена, а вторая – нет. Поэтому ракетные обстрелы израильской территории продолжались вплоть до конца военных действий, а крупные сухопутные части «Цахал», вступившие в Южный Ливан на втором этапе операции, столкнулись с ожесточенным сопротивлением боевиков «Хизбаллы», опиравшихся на сохраняющуюся инфраструктуру бункеров, туннелей и тому подобное. При этом штурм многочисленных ливанских деревень и городков, превращенных «Хизбаллой» в мини-крепости, относится к числу наиболее сложных и чреватых тяжелыми потерями военных операций. Израильское военно-политическое руководство не рискнуло пойти на единственно возможный вариант сокращения собственных потерь – массированные ковровые бомбардировки всей зоны между *голубой линией* и рекой Литани, это превратило бы всю зону в выжженную землю.

В итоге, военная операция в Южном Ливане окончилась, по сути дела, вничью. Израиль не смог выкинуть террористические отряды из этого района и воссоздать там зону безопасности. «Хизбалла» понесла серьезные потери, была вынуждена согласиться на ввод в эту зону крупных контингентов международных сил ООН и ливанской армии, что, естественно, ограничивает свободу ее действий. В политическом плане безусловную победу одержал Иран, продемонстрировавший свою роль одного из ведущих действующих лиц ближневосточной политической сцены.

Впрочем, эта победа может обернуться и осложнением позиций Ирана, поскольку большинство арабских режимов с недовольством восприняли усиление позиций Тегерана и близких к нему шиитских организаций в ближневосточном регионе, где всегда с подозрением относились к Тегерану с его великодержавными устремлениями, подкрепленными шиитским прозелитизмом. Может сложиться интересная ситуация, при которой и Израиль, и умеренные суннитские арабские государства окажутся в одной лодке, объединенные противостоянием общему врагу или, по крайней мере, сопернику. Неясно, однако, смогут ли США и их союзники воспользоваться этой ситуацией и создать эффективный фронт противодействия Ирану, в том числе для сдерживания его ядерных амбиций.

Политической основой прекращения боевых действий стала резолюция № 1701, принятая Советом Безопасности ООН 11 августа 2006 г. И по букве, и по духу этот документ осуждает «Хизбаллу» (а тем самым и ее покровителей). В частности, он требует «безоговорочного освобождения похищенных израильских военнослужащих», но при этом «сознается сложность вопроса» о ливанских заключенных и «поощряются усилия», направленные на срочное решение этой проблемы. Но главное содержание резолюции № 1701 состоит в необходимости разоружения «Хизбаллы» и вывода ее сил из района между голубой линией и рекой Литани. В параграфе 8 этой резолюции ясно сказано о создании «между голубой линией и рекой Литани района, свободного от любого вооруженного персонала, сил, средств и вооружений, кроме относящихся к силам правительства Ливана и ВСООНЛ (Вооруженных сил ООН в Ливане)». Там также подчеркивается необходимость полного осуществления Тайфских соглашений и резолюций СБ ООН № 1559 и № 1680, «в которых содержится требование о разоружении всех вооруженных групп в Ливане, с тем, чтобы, в соответствии с решением ливанского кабинета от 27 июля 2006 года, оружие и власть в Ливане принадлежали только ливанскому государству»³.

Для практического выполнения этих решений предусмотрено существенное увеличение ВСООНЛ до 15 тыс. человек.

Принятие резолюции № 1701 привело к окончанию боевых действий. Израильские войска постепенно выводятся из Южного Ливана. Однако руководство «Хизбаллы», согласившись с введением международных сил в Южный Ливан, наотрез отказалось от разоружения своих отрядов и вывода их за пределы реки Литани. Иными словами, «Хизбалла» откровенно игнорирует ключевые положения решения Совета Безопасности ООН. Но самое печальное состоит в том, что и международные ВСООНЛ не готовы выполнить положение резолюции СБ ООН о разоружении «Хизбаллы», ибо это грозит столкновениями с боевиками террористических групп, к чему войска ООН, в том числе принадлежащие ведущим европейским государствам, просто не готовы. По сообщениям печати, большинство государств, готовых предоставить свои войска для ВСООНЛ, хотели бы ограничить их роль поддержкой ливанских вооруженных сил и не готовы принять мандат операции, предусматривающий возможность их участия в боевых операциях и иное применение силы. Между тем ливанская армия, по всеобщему признанию, слаба по сравнению с боевиками «Хизбаллы», и, кроме того, в случае ее применения против «Хизбаллы» она может просто расколоться, поскольку среди солдат и офицеров немало приверженцев этой организации.

Поскольку выполнить главное требование резолюции № 1701 – добиться разоружения «Хизбаллы» и вывода ее отрядов из Южного Ливана, скорее всего, не удастся, вероятность возобновления в этом районе боевых действий весьма высока. «Хизбалла» и стоящий за ней Тегеран могут повторить в той или иной форме сценарий летних событий 2006 г. в случае осложнения ситуации вокруг иранской ядерной программы. Израиль, со своей стороны, никогда не смирится с существованием вблизи своих границ силы, являющейся, по сути дела, для него экзистенциальной угрозой.

Это ставит вопрос, значение которого выходит далеко за рамки ситуации, сложившейся в результате войны в Ливане: будут ли извлечены уроки из этой войны и, если да, то какие?

Для Израиля главным выводом из прошедшей кампании является необходимость тщательной и глубокой стратегической и тактической разведки территории Ливана, прежде

всего, его южной части, с тем чтобы иметь ясное представление о дислокации и состоянии всей военно-политической и террористической инфраструктуры «Хизбаллы». Собственно, главная ошибка израильского руководства, как представляется, заключается в том, что оно не смогло создать эффективную систему разведки Южного Ливана и тем самым оказалось не готово к тому типу военных действий, которые ему пришлось вести. Вторая, еще более сложная задача, стоящая перед израильским военным командованием – разработать стратегию и тактику ведения войны нового типа против полувоенных террористических формирований, опирающихся на заранее подготовленную систему укреплений и укрытий и пользующихся поддержкой значительной части гражданского населения.

Важнейший политический вывод, который должно сделать международное сообщество, прежде всего ведущие западные страны и Россия, состоит в том, что в лице Ирана они столкнулись с активным и динамичным противником, умело использующим все имеющиеся в его распоряжении рычаги и инструменты для достижения своих целей. Если такой вывод и вытекающие из него практические шаги сделаны не будут, то исходящие от экстремистских сил угрозы, в том числе угрозы безопасности России, будут возрастать.

Тома Гомар (Франция), директор программ по СНГ/России, Французский институт международных отношений – по телефону из Парижа: *Пожалуй, соглашусь с вашими данными в том, что касается разницы показателей за август и за октябрь, хотя это и не абсолютно достоверно. Август был месяцем успокоения после событий в Ливане, к октябрю же напряжение возросло по иранскому, корейскому направлениям, и, конечно, возросло чувство «нервозности» в связи с приближающимися выборами в США.*

Это в полной мере относится к иранской ядерной программе. Летом и осенью 2006 г. Иран продолжил обогащение урана, что расценивалось большинством экспертов и политиков как подготовка к созданию собственного ядерного оружия. Другим свидетельством этого является пуск летом 2006 г. завода по производству тяжелой воды, необходимой для ядерных реакторов, способных нарабатывать оружейный плутоний.

Стратегия Тегерана включает в себя не только демонстрацию силы, как это произошло во время ливанской войны, но и дипломатическое маневрирование, ведение вязких, изнурительных переговоров, во время которых мел-

кие уступки перемежаются жесткими ультиматумами, а само согласие вести «переговоры о будущих переговорах» подается как важный шаг навстречу партнерам. Подобная стратегия понятна. Иран стремится избежать жестких международных санкций и, одновременно, продолжать создание ядерного оружия. Менее понятна готовность ведущих западных стран и России действовать по правилам, навязываемым Тегераном.

31 июля 2006 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1696, в которой с *серьезной озабоченностью* отметил:

«Иран не предпринял шаги, которые были предписаны ему Советом управляющих МАГАТЭ, [...] и существенно необходимы для укрепления доверия, и, в частности, решение Ирана возобновить деятельность, связанную с обогащением, включая исследования и разработки, недавнее расширение им масштабов такой деятельности и его объявления о ней и его продолжающуюся приостановку сотрудничества с МАГАТЭ по линии Дополнительного протокола». Резолюция потребовала от Ирана приостановить «всю деятельность, связанную с обогащением и переработкой, включая исследования и разработки, что должно подлежать контролю со стороны МАГАТЭ». Совет Безопасности заявил «о своем намерении, в случае невыполнения Ираном положений настоящей резолюции к вышеупомянутой дате, принять соответствующие меры на основании статьи 41 главы VII Устава Организации Объединенных Наций [эта статья предусматривает возможность введения невоенных санкций. – Авт.], чтобы убедить Иран выполнить настоящую резолюцию и требования МАГАТЭ, и подчеркивает, что если такие дополнительные меры окажутся необходимыми, потребуются дополнительные решения».

Эта резолюция осталась невыполненной. Тегеран ее проигнорировал. Реакция Тегерана свелась к тому, что он готов к переговорам, в ходе которых, в частности, он, возможно, со-

Д
В
Р
О
С
С
З
С
Б
Е
О
Д
О
П
П
Х
З
В
О
Р
И
М

гласится приостановить обогащение урана на два месяца. Наверное, это время необходимо иранским специалистам для устранения тех или иных неполадок в каскаде центрифуг.

Несмотря на обструкционистскую позицию Тегерана европейская *тройка* в составе Великобритании, Германии и Франции начала предварительные переговоры с иранскими представителями. В ходе их Иран заявил о готовности обсуждать гарантии безопасности, которые ему должны дать ведущие державы, а также детали строительства в Иране реакторов на легкой воде. В обмен на это Тегеран пообещал не выходить из Договора по нераспространению ядерного оружия (ДНЯО) и, возможно, позволить инспекторам МАГАТЭ провести инспекции его ядерных установок.

Видимо, всему есть предел. В итоге, в середине октября 2006 г. переговоры между Ираном и европейской *тройкой* окончились безрезультатно, и иранская ядерная проблема была снова передана на обсуждение СБ ООН. Забегая вперед отведенных мне в этом обзоре хронологических рамок, скажу, что в декабре 2006 г. СБ ООН принял резолюцию № 1737 с включением в нее санкций против Ирана, хотя пока и весьма символических. Но я полностью уверен, что Иран и на этот раз проигнорирует решение СБ.

АФГАНСКИЙ ТУПИК

Летом 2006 г. произошло осложнение военно-политической обстановки в Афганистане. Оставшиеся неразгромленными отряды талибов и базирующиеся на территории Афганистана и в пограничных с ним районах Пакистана ячейки *Аль-Каиды* в первые месяцы 2006 г. завершили перегруппировку, получили дополнительные финансовые ресурсы, главным образом в результате выращивания и продажи наркотиков, и летом развернули активные партизанские действия в четырех южных провинциях страны. Действиям талибов способствует отсутствие какого-либо контроля над ситуацией в пограничных с Афганистаном районах Пакистана, так называемой *зоне племен*, где, в частности, находят убежище некоторые лидеры *Аль-Каиды*, в том числе, как считают некоторые эксперты, сам Усама бен Ладен. Правительство Хамида Карзая остается крайне слабым и контролирует ситуацию лишь в отдельных частях страны.

Это создало сильное давление на войска международной коалиции, возглавляемые НАТО. Растущие потери в Афганистане болезненно воспринимаются европейским общественным мнением. Участие в операции НАТО в Афганистане подвергается все более жесткой критике в европейских средствах массовой информации. До сих пор не удовлетворена просьба командования НАТО в Афганистане об увеличении численности находящихся там войск Альянса.

Между тем успех или провал этой операции имеет исключительно большое значение для будущего Североатлантического альянса. Успех в Афганистане подтвердит способность НАТО эффективно решать проблемы безопасности и стабильности в районах, отдаленных от традиционной зоны ответственности этой организации. Это является квинтэссенцией нынешних представлений о будущем Альянса. Если же НАТО окажется неспособной выполнить поставленные перед ней в Афганистане задачи, то эта страна опять превратится в убежище для исламских экстремистских и террористических группировок. Это существенно осложнит ситуацию в прилегающих к Афганистану регионах, в том числе в Центральной Азии и Пакистане. Но еще важнее, что дальнейшая судьба НАТО будет поставлена под сомнение, и организация может потерять свое значение.

Нарастание террористической деятельности в южных провинциях Афганистана не меняет, однако, общей стратегической ситуации в стране. Она может быть охарактеризована как военно-политический тупик. Действующие в основном на юге страны отряды талибов и *Аль-Каиды* не могут захватить власть в стране, пока там находятся международные силы.

Но и иностранные войска, и правительство Х. Карзая не могут установить эффективный контроль над территорией страны, обеспечить устойчивую власть центрального правительства. Международные силы содействия безопасности в Афганистане, действующие

под командованием НАТО и насчитывающие 20 750 человек, вместе с американскими войсками – численностью 21 200 человек, находящиеся в Афганистане в рамках операции *Enduring Freedom*, а также вооруженные силы правительства Х. Карзая, численность которых составляет сегодня 20–30 тыс. человек, в состоянии контролировать основные городские центры и важнейшие дороги.

По сути дела, реальная власть за пределами Кабула и нескольких провинциальных центров находится в руках полевых командиров, вождей племен, провинциальных лидеров, опирающихся на традиционные структуры власти и так далее. Не удастся сократить выращивание в Афганистане опиумного мака, являющееся основным источником существования значительной части сельского населения и источником обогащения верхушки местных кланов и племенных группировок.

Положение осложняется тем, что в самом правительстве Х. Карзая нет единства по стратегическим вопросам развития страны. В нем присутствуют прибывшие из эмиграции деятели, покинувшие Афганистан в годы советской оккупации и проведшие длительное время на Западе; военные и политики, входившие в свое время в окружение влиятельнейшего вождя афганского сопротивления Ахмада Шаха Масуда, контролирующего Панджшерскую долину; а также лидеры тех организаций, которые вели религиозный джихад против советских войск – Бурханнудин Раббани, Юнус Халес и другие. Они обладают значительными финансовыми ресурсами и сохранили в своем распоряжении крупные вооруженные отряды. Все эти группы и лидеры соперничают друг с другом, осложняя тем самым и без того запутанную политическую ситуацию в стране.

Все это не дает оснований ожидать, что в обозримом будущем произойдет сокращение находящихся там иностранных войск. Скорее, можно ожидать некоторое наращивание их численности. Это означает, что иностранное военное присутствие там будет продолжаться еще долго. Следовательно, сохранится и военное присутствие США и ряда других западных государств в Центральной Азии.

ИРАКСКАЯ ТРЯСИНА

К началу 2006 г. казалось, что появились некоторые признаки стабилизации ситуации в Ираке. Становление новых иракских институтов власти шло хотя и медленно, но относительно последовательно. В частности, 15 октября 2005 г. состоялся референдум, в котором приняли участие 63% иракских избирателей. За одобрение конституции проголосовало более 78% участвовавших в голосовании. 15 декабря 2005 г. в соответствии с новой конституцией состоялись выборы в полноценный парламент страны, в котором, однако, подавляющее большинство получили курды и шииты. Они получили 218 мест из 275.

Это стало последним этапом выполнения разработанной ранее американской администрацией *дорожной карты* создания в Ираке легитимных органов власти. К лету 2006 г. удалось сформировать правительство, в котором несколько более сбалансированно, чем в парламенте, были представлены основные этнические и религиозные группы страны:

Курды	8
Шииты	20
Сунниты	9
Независимые	2
Христиане	2
Туркмены	1

Цзи Чжие (КНР), директор Института исследования России – по телефону из Пекина: *В целом индекс точно показывает динамику событий, произошедших в течение этих месяцев. Особенно в том, что касается его падения в октябре. События вокруг ядерных испытаний в Северной Корее я как китаец оцениваю, действительно, как самые негативные в течение прошедшего года. А что касается повышения индекса в августе, думаю, что тут сказалось время «политических отпусков».*

Президентом Ирака был избран лидер Патриотического союза Курдистана Джалал Талабани, два вице-президента – шиит и суннит, премьер-министр – шиит, а два его заместителя – суннит и курд. Министерство внутренних дел и министерство безопасности возглавили шииты, но министром обороны был назначен суннит. Казалось, складываются условия для формирования более или менее стабильной системы власти, аппарат которой свободен от активных деятелей прежнего режима, функционеров «БААС», сотрудников саддамовских служб безопасности и иных элементов, тесно связанных с прежним режимом.

Однако после того как в феврале 2006 г. суннитские террористы взорвали шиитский храм в Самаре, гражданская война в Ираке приобрела острый, абсолютно неуправляемый и хаотический характер. Это в полной мере проявилось летом и осенью 2006 г., когда масштабы террористических актов и политических убийств достигли максимума. В частности, в сентябре 2006 г. только в Багдаде от рук местных террористов всех религиозных и политических оттенков погибло почти 2670 человек, что на 400 человек больше, чем в предшествующем месяце. В целом же, по подсчетам международных организаций, среднее число жертв в день в Багдаде составляет чуть менее 90 человек, тогда как в среднем по стране оно достигает 500 человек в день.

Главными источниками хаоса и нестабильности являются:

- ❑ Деятельность кадровых сотрудников саддамовского режима, прежде всего функционеров партии «БААС», служб безопасности, части армейского офицерства – людей, которые не нашли места в новых формирующихся институтах власти. Эти круги опираются на арабское суннитское меньшинство, насчитывающее около 20% населения страны.
- ❑ Радикальные исламские движения – как суннитского, так и шиитского толка, среди которых выделяются группы, связанные с *Аль-Каидой* и другими международными исламскими террористическими сетями.
- ❑ Множество мелких религиозных, политических и откровенно криминальных группировок, заинтересованных в сохранении хаоса и слабости власти для собственной беспрепятственной преступной деятельности.

Оснований ожидать быстрой стабилизации положения, прежде всего подавления террористической и криминальной активности, – нет. Новые иракские вооруженные силы и службы безопасности формируются медленно и болезненно. Начавшийся после парламентских выборов и формирования правительства процесс интеграции полувоенных формирований, в том числе курдских *пешмергов*, отрядов, подчиняющихся Высшему совету исламской революции в Ираке, *Армии Махди* и *Корпуса Бадра*, и других более мелких вооруженных группировок в официальные структуры безопасности далеко не всегда способствовал стабилизации положения. Нередки случаи, когда, действуя в официальном качестве, члены бывших полувоенных формирований преследуют своих политических противников и по-прежнему участвуют в столкновениях на религиозной и иной почве.

Американский контингент в Ираке, насчитывающий около 150 тыс. человек, может обеспечить физическую безопасность высшего руководства и важнейших институтов управления, основных коммуникаций и экономических объектов; подавить массовые беспорядки.

ской администрацией. Это может *взорвать* внутривнутриполитическую ситуацию в США в преддверии приближающихся выборов, выбить один из важнейших козырей из рук демократов, которые готовы превратить будущие выборы в своего рода референдум по поводу Ирака.

Уход США и их союзников из Ирака окончательно взорвет военно-политическую сцену Ближнего и Среднего Востока. В частности, на севере Ирака возникнет курдское государство, которое, естественно, станет центром притяжения и для турецких, и для иранских курдов. Первое не отвечает интересам США, ибо подрывает территориальную целостность важнейшего американского союзника в регионе – Турции. Но второе – вполне может быть использовано для сдерживания иранского режима, особенно, если будет взят курс на силовое решение иранской ядерной проблемы. А предсказать последствия появления суннитского и шиитского государств кто-либо из серьезных специалистов вряд ли возьмется.

ЯДЕРНЫЕ КОНВУЛЬСИИ ПХЕНЬЯНА

Летом 2006 г. северокорейский режим рискнул пойти на существенное обострение военно-политической ситуации в Северо-Восточной Азии. 5 июля 2006 г., за несколько дней до саммита *группы восьми* в Санкт-Петербурге, с северокорейского ракетного полигона были запущены несколько баллистических ракет, которые, правда, до цели не долетели. Однако политический резонанс был весьма сильным. Ракетные испытания свидетельствовали, что Пхеньян решил перейти от слов к делу и приступил к практическому шантажу международного сообщества. Последнее было не склонно принять северокорейскую интерпретацию совместного заявления государств – участников шестисторонних переговоров, суть которого заключалась в том, что в КНДР должен быть сначала поставлен ядерный реактор на легкой воде, а уже затем она будет готова ликвидировать свой ядерный потенциал. Мировое сообщество также не склонно отменить некоторые экономические санкции, направленные против интересов высшего руководства КНДР.

Действительно, Пхеньян был до предела раздражен тем, что американские власти заморозили банковские счета лиц, заподозренных в причастности к распространению оружия массового уничтожения и ядерных технологий. Среди них оказалось 13 северокорейских компаний. Параллельно Вашингтон принял меры против банков, уличенных в отмывании северокорейских средств, полученных от продажи наркотиков. Известно, что, по крайней мере, часть этих средств тратится на обеспечение роскошного уровня жизни высшего пхеньянского руководства. Видимо, это и стало каплей, переполнившей чашу терпения Ким Чен Ира и его приближенных, и они решились на то, чтобы, выведя ядерный кризис на Корейском полуострове на новый уровень, вынудить партнеров по шестисторонним переговорам пойти на уступки Пхеньяну.

Ракетные испытания не достигли тех целей, на которые рассчитывал Пхеньян. Вместо этого была принята резолюция № 1695 Совета Безопасности ООН, в которой была «выражена серьезная обеспокоенность по поводу произведенного» КНДР пуска баллистических ракет. Совет Безопасности также проявил не свойственную ему обычную жесткость и осудил северокорейские ракетные испытания, а также обязал все государства-члены «проявлять бдительность» и предотвращать передачу КНДР ракет, материалов и технологий для их изготовления. Российская дипломатия, действуя в свойственном ей духе всепрощения нарушителей режима нераспространения, постаралась, насколько это возможно, смягчить резолюцию № 1695 и устранить любое упоминание возможных санкций против КНДР. Представитель России при ООН В.И. Чуркин высказался против *наказания* КНДР. По его мнению, нельзя было, упоминая санкции, подрывать перспективу возобновления шестисторонних переговоров по ядерной программе КНДР.

Поскольку ракетные испытания остались безнаказанными, хотя при этом никакие цели Пхеньяна достигнуты не были, в том числе не были разморожены северокорейские счета, Пхеньян решился на новый, гораздо более опасный шаг. 9 октября 2006 г. в 10 часов 36 минут местного времени в заброшенной подземной шахте был произведен взрыв, который Пхеньян объявил успешным испытанием ядерного оружия.

Что именно было взорвано на северокорейском полигоне Хвадэри, пока в полной мере неясно. Нет даже сколько-нибудь согласованных оценок мощности взрыва. По американским оценкам, мощность взрыва составила от 200 до 800 тонн тротилового эквивалента. Специалисты из Южной Кореи оценили ее в 550 тонн тротилового эквивалента. Если эти оценки справедливы, то, скорее всего, ядерная реакция произошла лишь в сравнительно небольшой части ядерной взрывчатки. Американские военные эксперты предположили, что северокорейское испытание оказалось неудачным. Российские военные оказались куда более пессимистичными, чем их американские и южнокорейские коллеги. Министр обороны России С.Б. Иванов доложил президенту, что в Северной Корее была взорвана бомба мощностью от 5 до 15 килотонн. Как отмечала российская пресса, «определить мощность взрыва в диапазоне 5–15 килотонн – это все равно что расписаться в чудовищной технологической отсталости»⁵.

Как бы то ни было, северокорейское испытание подтвердило, что КНДР не просто стремится к ядерному оружию, но и готова перейти ту *красную черту*, за которой ее действия вызовут жесткую реакцию международного сообщества, в том числе России и Китая, которые до сих пор всячески отвергали даже упоминание о возможных международных санкциях, объясняя это тем, что надо не раздражать Пхеньян, но, наоборот, необходимо всячески учитывать интересы безопасности КНДР и *озабоченности* его руководства (которые зачастую имеют параноидальный характер). В итоге, СБ ООН принял жесткую резолюцию № 1718, не просто осуждающую КНДР и требующую от нее отказаться от любого ОМУ и ракетной программы, вернуться в ДНЯО и обеспечить необходимую транспарентность своей ядерной деятельности, но и вводящую против нее определенные санкции. В частности:

- ❑ Запрещен экспорт в КНДР и импорт из нее тяжелых вооружений и относящихся к ним материалов, в том числе запасных частей.
- ❑ Должен быть разработан список других материалов и оборудования, которые могут содействовать осуществлению северокорейских ядерных и ракетных программ.
- ❑ Запрещен экспорт в КНДР всех предметов роскоши (что должно быть особенно неприятно для правящей верхушки).

Андрей Кортунов (Россия), президент фонда *Новая Евразия* – по телефону из Москвы: *В том, что касается расчета индекса, то здесь, на мой взгляд, следует смотреть на более длительную перспективу и долгосрочные тенденции. Есть много мелких несущественных факторов, которые могут в будущем исказить нынешние результаты. Но в принципе я не ощущаю какого-то расхождения с интуитивно чувствуемыми мною тенденциями, которые бы противоречили этим показателям за прошедший период.*

- ❑ Должны быть заморожены все счета, финансовые и экономические ресурсы, принадлежащие лицам, которые будут определены специальным комитетом, учрежденным ООН.
- ❑ Для того чтобы предотвратить незаконную транспортировку ядерного, химического или биологического оружия, Совет Безопасности призвал все государства – члены ООН осуществлять инспекцию грузов, направляемых в КНДР или отправляемых из нее⁶.

По сообщениям мировой прессы, в ходе обсуждения внесенный делегацией США проект резолюции № 1718

был существенно смягчен по настоянию России и Китая. В частности, общая ссылка на Главу 7 Устава ООН, предусматривающую введение санкций, в том числе военных, была заменена более конкретным указанием на статью 41 этой главы, содержащую упоминание только тех санкций, которые не требуют применения вооруженной силы. Правда, нет ясности в том, как именно будет осуществляться инспекция северокорейских грузов без применения силы, если, например, КНДР предпримет силовые акции с тем, чтобы не допустить такой инспекции.

Могу предположить, что смягчение позиции США в процессе подготовки резолюции № 1718 было вызвано не столько позицией России или Китая, сколько неготовностью самих Соединенных Штатов к проведению силовой акции против КНДР в условиях, когда значительные контингенты американских войск действуют в Ираке и в Афганистане, и не исключена перспектива военной операции против Ирана. В этих условиях американская дипломатия может склониться к относительно мягкому варианту санкций, не исключая, естественно, возможности принятия более жесткого варианта – в случае, если предусмотренные резолюцией № 1718 меры окажутся неэффективными.

Принятие резолюции № 1718, естественно, ставит вопрос – будет ли она выполнена, в том числе будет ли на деле обеспечен режим жесткого контроля над импортом и экспортом КНДР. Во многом это зависит от Китая, поскольку именно через его территорию проходят основные торговые пути КНДР.

Попытка Пхеньяна шантажировать международное сообщество путем эскалации ядерной напряженности в Северо-Восточной Азии может иметь тяжелые последствия для безопасности в регионе и в глобальном масштабе. Может проявиться эффект *ядерного домино*. В течение нескольких месяцев, максимум – года, ядерное оружие может быть создано в Японии, где имеется около 5,6 тонн плутония, пригодного для создания 1,5–2 тыс. ядерных боеприпасов. Существенно активизируются настроения в пользу создания ядерного оружия в Южной Корее и Тайване. Кроме того, в Японии, на Тайване и в Южной Корее будут заметно интенсифицированы усилия по созданию противоракетной обороны в сотрудничестве с США. В этих условиях Китай будет наращивать собственные усилия в ракетно-ядерной области. Соединенные Штаты, в свою очередь, увеличат военное присутствие в Северо-Восточной Азии, в том числе, возможно, вновь развернут в Южной Корее свое тактическое ядерное оружие.

Северокорейское ядерное испытание явилось серьезным дипломатическим поражением Китая и России. Считалось, что *ключи* к решению корейской ядерной проблемы находятся в Пекине. В частности, северокорейские власти вряд ли решатся совершить шаг, который заведомо будет крайне отрицательно встречен китайским руководством. Последнее понятно. *Ядерное домино* в Северо-Восточной Азии, возрастание интереса Японии и Тайваня к американским противоракетным системам и в целом к военному сотрудничеству с США противоречит планам Пекина. В этих условиях ядерное испытание в КНДР показало, что Пхеньян не склонен прислушиваться к советам, идущим из Пекина. Оказалось также, что китайская, как и российская, позиция *умиротворения* Пхеньяна, в том числе сдерживание принятия жестких резолюций в Совете Безопасности ООН, провалилась. Вместе того, чтобы удержать КНДР от опрометчивых действий, российско-китайское покровительство скорее убедило Пхеньян в возможности безнаказанно бросить вызов международному сообществу.

Видимо, осознание того факта, что Китай может потерять лицо и столкнуться с неприятными для него последствиями *ядерного домино*, подтолкнули Пекин к решительным действиям. Появились сообщения, что Китай полностью прекратил поставки нефти в КНДР. Это оказалось сильнее любых дипломатических заявлений и резолюций ООН, и Пхеньян согласился вернуться на шестисторонние переговоры. Впрочем, это согласие, как уже нередко случалось, отнюдь не означает, что КНДР откажется от ядерного оружия. Скорее, переговоры будут использованы Северной Кореей для очередной изнурительной дискуссии – с тем, чтобы отменить или смягчить санкции и затянуть время.

САММИТ В ТЕНИ ЛИВАНА

Осложнение военно-политической обстановки на Ближнем Востоке и в Афганистане, обострение ситуации вокруг иранской ядерной программы, а также северокорейские ракетные испытания отвлекли внимание мировой политической и академической элиты от саммита в Санкт-Петербурге, состоявшегося в июле 2006 г. Между тем еще за месяц до встречи лидеров восьми государств считалось, что она будет центральным международным событием 2006 г.

Подготовка к этому саммиту шла очень непросто. Правда, достичь консенсуса по двум включенным Россией в повестку дня вопросам – образованию и борьбе с инфекционными заболеваниями оказалось нетрудно. Строго говоря, ни у кого не могло вызвать сомнений, что и образование, и здравоохранение – проблемы крайне важные и требующие международного сотрудничества. Соответственно, нужно было лишь найти подходящие дипломатические формулы для выражения общей точки зрения.

Было понятно также, что найти подлинный консенсус относительно третьей проблемы, вынесенной на обсуждение лидеров восьми стран, – проблемы энергетической безопасности – невозможно. После газового конфликта между Россией и Украиной зимой 2005–2006 гг. европейские страны взяли совершенно определенный курс на минимизацию собственной зависимости от поставок природного газа из России, тогда как Москва, наоборот, стремится укрепить свое положение главного поставщика газа в Европу. Совместить эти две противоположные позиции невозможно. Поэтому в задачу дипломатов, готовящих саммит, входило составление такого документа, который производил бы впечатление, что наличествует определенный прогресс, хотя подходы сторон как были, так и остались противоположными по большинству конкретных проблем энергетической безопасности.

В этих условиях подлинная интрига саммита заключалась в том, удастся ли *обменять* российскую поддержку западной позиции по Ирану и некоторым другим проблемам на отказ лидеров развитых демократических государств от публичной критики Кремля за свертывание демократии и газовую войну с Украиной. Но война в Ливане привела к тому, что ни судьбы российской демократии, ни Иран всерьез не обсуждались. Осталась неразрешенной также гораздо более глубокая и сложная проблема – относительно определения политической природы *группы восьми*. Изначально этот институт создавался как механизм обсуждения острых и актуальных международных проблем и согласования соответствующих позиций семи ведущих западных государств, объединенных общими ценностями и общим видением мира. Включение в него России было своего рода авансом. Предполагалось, что это укрепит демократические силы в российском обществе. Однако свертывание демократических процессов в России в последние годы и формирование новой российской внешней политики, исходящей во многом из отличных от политики западных государств стратегических установок, поставило вопрос – чем, по сути дела, *группа восьми* отличается от Совета Безопасности ООН? Санкт-Петербургский саммит, несмотря на отсутствие значимых результатов, вновь привлек внимание к российской внешней политике.

РОССИЯ: НОВАЯ ФИЛОСОФИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Международная безопасность в евразийской зоне, и прежде всего в районах, прилегающих к российским границам, во многом зависит от политики России. События лета 2006 г. показали, что Россия перешла к новой стратегии, во многом отличной от той, что была провозглашена В.В. Путиным после 11 сентября 2001 г. Новая внешнеполитическая философия была в основных своих чертах изложена министром иностранных дел С.В. Лавровым в речи в МГИМО МИД России 1 сентября 2006 г.⁷ Ее суть сводится к нескольким следующим моментам.

Преодоление экономической слабости и политической неразберихи, свойственных России в последнее десятилетие прошлого века, сделало, как заявил министр иностранных дел, «нашу внешнюю политику более целенаправленной и результативной, а российскую дипломатию – более востребованной в мировых делах»⁸. Министр утверждал, что «ни одна сколько-нибудь значимая проблема не решается без нашего участия, растет число наших партнеров и единомышленников»⁹. В целом же, через выступление министра красной нитью прошла мысль о том, что Россия сегодня вновь обрела необходимую мощь и это позволяет ей весомо выступать на мировой арене в качестве независимой силы.

Идея независимости российской внешней политики стала вторым ключевым моментом концептуальной речи С.В. Лаврова.

«Россия вновь обрела способность и политическую волю проводить подлинно национальную политику, основанную на российских интересах, – провозгласил он. – [...] Обретенная Россией внешнеполитическая независимость – главное достижение последних лет и безусловный императив, отвечающий политической и дипломатической традиции России»¹⁰.

Это высказывание сразу вызывает два принципиальных вопроса. Первый – что такое «подлинно национальная политика» (термин, который характерен не столько для демократических, сколько для авторитарных политических концепций, пропитанных националистическим духом). Второй – что означает «внешнеполитическая независимость» во взаимозависимом, глобализирующемся мире?

Третий принципиальный момент выступления С.В. Лаврова – мысль о том, что в мировой политике наступает «крайне ответственный и неизбежно противоречивый момент. [...] Непредсказуемость мирового развития будет сохраняться. [...] Спасение может быть только коллективным». При этом глава российской дипломатии выступил с идеей создания нового ансамбля ведущих держав. «Россия не видит разумной альтернативы формированию в глобализирующемся мире нового коллективного лидерства ведущих стран, которое было бы представительным в географическом и цивилизационном отношении. *Группа восьми* могла бы стать важным элементом такой оркестра»¹¹.

И, наконец, С.В. Лавров однозначно выступил против линии Соединенных Штатов:

«Не могут не вызывать обеспокоенности попытки дестабилизации целых стран и регионов под лозунгами «демократизации и продвижения свободы во всем мире», – сказал он, явно намекая на политику США. – Не только небезупречна с точки зрения международного права, с точки зрения здравого смысла и просто контрпродуктивна линия на изоляцию тех или иных игроков на международной арене. Как правило, такой подход дает результаты, прямо противоположные искомым. Вот почему мы не можем присоединяться к ультиматумам, которые всех загоняют в тупик и ведут к эскалации, логика которой всегда работает на силовые варианты»¹².

С.В. Лавров, безусловно, прав, говоря о наступлении нового, весьма сложного этапа мирового развития, требующего коллективных действий. Однако проблема заключается не только в принятии приемлемых для всей группы ответственных государств решений, но и в характере этих решений. Практика российской позиции показывает, что сегодня в Москве под «подлинно национальной внешней политикой» понимают заигрывание с террористическими группировками, например с «Хамас», с лидерами, подобными Уго Чавесу, с иранским руководством и прочими малоприличными фигурантами мировой политики.

Кроме того, новая российская внешняя политика, как показали события лета и осени 2006 г., включает в себя давление на Грузию и Молдавию. Нельзя не заметить, что если российская дипломатия активно выступает против применения силы против КНДР, Ирана и подобных им режимов, то в отношении Грузии, например, Москва готова, по крайней мере на словах, применить военную силу. Так, не далее как в середине октября 2006 г. командующий российскими ВВС В.С. Михайлов прямо заявил, что Россия не останется безучастной в случае вооруженного конфликта в Абхазии и Южной Осетии. «Если министр обороны заявил о том, что мы обязательно будем применять какие-то адекватные меры, то он, наверное, имел в виду и возможность применения авиационных,

СУММИРУЯ ИТОГИ ЧЕТЫРЕХ МЕСЯЦЕВ

Развитие событий на мировой арене летом и осенью 2006 г. продемонстрировало, что обеспечить надежную международную безопасность на основе прежних подходов невозможно. Силы, противостоящие современной цивилизации, воспринимают политику партнеров и готовы в полной мере воспользоваться этой слабостью. В этой связи нельзя не вспомнить высказывание Уинстона Черчилля: «*An appeaser is one who feeds a crocodile hoping it will eat him last*» («Умиротворитель – это тот, кто кормит крокодила, надеясь, что его сожрут последним»). Не стоит забывать и уроки истории: гибели Римской империи предшествовали попытки купить лояльность вождей соседних варварских племен, выплачивая им дань. Но эта стратегия не спасла Рим. Чем больше дани попадало в руки варваров, тем сильнее разгорались их аппетиты и тем сильнее было желание вторгнуться в пределы империи и забрать все, что можно было увезти своими караванами. Циничные историки, просидевшие все свою жизнь в пыльных архивах, уверены в одном: единственный урок истории состоит в том, что никто не обращает внимания на ее уроки.

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: АПОКАЛИПСИС? – NO!

Лето и осень 2006 г. стали одним из наиболее насыщенных в военно-политическом плане этапов мировой политики последних лет. Как будто именно во второй половине 2006 г. весь накапливавшийся в течение длительного времени в мире конфликтный потенциал как по мановению волшебной палочки прорвался наружу. И, в результате, вместо в целом пристойной картины *нового мирового порядка*, где если кто и выражал сомнение в правоте *генеральной линии*, так только несколько маргиналов, одним неприкрытым движением руки занесенных в узкий «клуб» под названием *ось зла*, взору политиков и простых обывателей явился если не *новый мировой беспорядок*, то, во всяком случае, куда более мозаичная картина.

Новые исторические эпохи накатываются, как правило, постепенно, но начинаются внезапно. Сперва на события, которые не вписываются в прежнюю парадигму, стараются не обращать внимания, затем их начинают считать феноменами, затем возникает ощущение, что это все уже когда-то было, но в один прекрасный день мы просыпаемся в новом мире, который – вот сюрприз! – оказывается сильно не похож на то, к чему мы привыкли. Так и сейчас, кажется что в плавном движении колесницы истории по рельсам постбиполярности, где все *цивилизованные* люди выступают за дружбу (правда, в разных масштабах – от экстатического слияния до *жесткого партнерства*) с Западом, где нет альтернативы либеральной рыночной экономике, да и политический либерализм не оспаривается как единственно верная идеология почти так же, как и коммунизм в Советском Союзе, так вот – на этом гладком пути появляются неприятные *камушки*, которые начинают уже не просто скрипеть под колесами, а серьезно затрудняют прогресс человечества. Причем именно в последние полгода количество *камушков* превысило тот уровень, после которого не замечать их стало просто невозможно, и, по сути, рассказывая о событиях лета и осени 2006 г., мы будем рассказывать о том, как скрипела колесница мировой политики, переваливаясь через *камушки* новой исторической эпохи.

НОВАЯ ЯДЕРНАЯ ДЕРЖАВА

Начнем с октябрьского взрыва северокорейской маломощной атомной бомбы. Что мы увидели?

При этом, хотя асимметричность в процессе ведения боевых действий, безусловно, присутствовала, она была не такой уж ярко выраженной, как это предполагали специалисты. Картина поражения израильского патрульного катера ударным беспилотным аппаратом, сконструированным и произведенным движением «Хизбалла», равно как и способность его ракетчиков поражать – хотя и без особой точности – цели на территории Израиля на глубину до 70 км, говорит о новом качественном уровне военного потенциала субгосударственных участников международных отношений. Безусловно, пример «Хизбаллы» пока является уникальным, однако не исключено, что и другие подобные структуры смогут в скором будущем обладать потенциалом производства в ограниченном количестве весьма технологически продвинутых видов вооружения.

Война Израиля с «Хизбаллой» будет иметь долгосрочный эффект еще и потому, что это была первая арабо-израильская война, в которой Израиль не победил. Нельзя говорить о том, что Израиль эту войну проиграл, но и то, что победы в ней достигнуто не было, – очевидно. А для Израиля – отсутствие победы в силу политических и исторических причин сродни поражению.

И главное – не то, что израильские генералы вели боевые действия с какой-то странной смесью самоуверенности и страха, с оглядкой на политическое руководство. И даже не то, что не была достигнута ни одна из заявленных целей военной кампании, а захваченный солдат остается в плену. И даже не то, что ракетчики «Хизбаллы» создали у израильтян чувство стратегической уязвимости, которого не было даже в худшие времена тотального противостояния Израиля и арабских стран, по крайней мере, после войны 1967 г. Важно, скорее, то, что *антихизбаллаховский* внутривосточный консенсус почти мгновенно рассыпался, как только появились первые признаки проблем в осуществлении операции. Иными словами, израильское общество, известное своей способностью спланировать в минуту опасности, явно показало всему миру и «Хизбалле» в том числе, что оно не готово принести жертвы во имя военно-политической гегемонии Израиля. Иными словами, Израиль все еще готов воевать с «Хизбаллой» (да и с любым другим противником), однако воевать так, чтобы это создавало минимум проблем для экономики и быта своих сограждан. Это очень важный *message* для всего Ближнего Востока, который может быть прочитан однозначно: Израиль от стратегического доминирования в регионе переходит к стратегической обороне. Конечно, теперь можно оправдываться и обвинять Россию, Сирию – всех, кого только можно, в помощи «Хизбалле». Мол, если бы Москва не передавала информацию *проклятым исламистам*, все было бы замечательно. Не возвращаясь к известной шутке про неважного танцора, можно напомнить нашим израильским друзьям, что на протяжении всей холодной войны Советский Союз с энергией, заслуживающей лучшего применения, помогал арабским странам, всем чем мог, – и оружием, и деньгами, и советниками. Однако тогда это не мешало Израилю каждый раз громить арабские армии в пух и прах.

 Сержио Дуарте (Бразилия), посол, Председатель Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (2005 г.) – по телефону из Бразилии: *Я не очень уверен в том, что безопасность является измеряемой. На состояние безопасности влияет множество факторов, не поддающихся числовому выражению: например, поведение политических лидеров. Тем не менее я соглашаюсь с предложенной в Индексе iSi динамикой этих месяцев, пусть и не стопроцентно доверяя этим цифрам.*

Кстати, только наивный не сопоставит итоги войны для Израиля и «Хизбаллы» с изменением тактики иранского руководства на переговорах об иранской ядерной программе. От почти истерического провоцирования США и Израиля на конфликт, президент Ахмадинежад, который сам по себе являет уже не феномен, но тенденцию в современной системе международных отношений, переходит ко все более изоцированной игре на противоречиях между ЕС, США и Россией. И причина этому очень проста – итоги войны в Ливане показали, что ресурсов на крупный геополитический проект (а разгром Ира-

 Евгений **Сатановский (Россия)**, президент группы **Ариэль**, президент Института Ближнего Востока – по телефону из Москвы: *Индекс безопасности – это величина условная, цифра весьма «лукавая» и весьма дискуссионная. Трудно определить единую цифру, характеризующую международную безопасность, так как тяжело что-то сравнивать. Что такое опасность или безопасность? Определение безопасности и опасности – это предмет для обсуждений. Но в целом сам индекс интересен и достаточно дискуссионен, в чем и состоит, наверное, его главное достоинство.*

на – это крупный геополитический проект у США нет, поскольку Израиль как наступательный военно-политический фактор перестал существовать. Да, конечно, израильтяне могут разбомбить иранские ядерные объекты, однако этого явно недостаточно для крупной и долгосрочной геополитической игры. А без опоры на Израиль – именно как на наступательную силу – США вряд ли готовы сейчас идти на прямую конфронтацию, тем более с применением военной силы в Иране.

Сейчас ясно одно – своей *непобедой* в Ливане Израиль существенно обострил ситуацию в регионе и создал, возможно, совершенно ненужную динамику. Большой урок всем мировым политикам: существуют ситуации, когда

войну лучше не начинать, даже если ты совершенно уверен в своей победе.

Во многих комментариях, причем не только со стороны западных специалистов, но и в России, есть много искажений реальной ситуации в Ливане, которые мешают трезво оценить ситуацию. «Хизбалла» – это не мифическая *Аль-Каида* (теперь мало кто будет спорить, что данная организация является скорее *зонтичным фантомом*, объединяющим отдельные относительно независимые группировки). «Хизбалла» – это организация, которая выиграла борьбу за умы и сердца ливанцев, а теперь и жителей арабского мира далеко за рубежами Ливана не только и не столько призывами к джихаду, сколько способностью адекватно и эффективно управлять политическими и социально-экономическими процессами. Мы также зачастую забываем, что «Хизбалла» есть результат вполне демократического развития ливанской политической системы. Эта организация – сила, которая черпает свое влияние из гражданского общества, прекрасно освоив его механизмы, став его частью. И в этом плане *путь* «Хизбаллы» может оказаться куда более привлекателен для движений подобного типа, нежели то антисистемное сектанство, которым увлекаются и *Аль-Каида*, и «Исламский Джихад», да и «Хамас», который оказался полностью неспособен управлять микроскопической по размерам Палестинской автономией.

Можно по-разному относиться к методам деятельности «Хизбаллы» и к действиям движения в ходе войны с Израилем, хотя надо сказать, что по части гуманитарной *чистоты* действия Израиля в ходе войны не слишком отличаются от усилий ракетчиков «Хизбаллы». Можно даже продолжать считать данную структуру террористической. Однако не признать ее сильнейшим фактором, который определяет и будет и в дальнейшем определять военно-политическую обстановку на Ближнем Востоке, – нельзя.

Вот кто уж точно проиграл, так это нынешнее руководство большинства арабских стран, оказавшееся если не политическими, то идеологическими банкротами из-за отказа даже пальцем пошевеливать ради помощи народу, публично объявляемому братским. Почему – понятно: многие ведущие политики в арабских странах и даже некоторые лидеры – из тех, кто десятилетиями заявлял о готовности *сбросить Израиль в море*, но проиграл все, что мог, позорно оставив на полях сражений кучи советских вооружений. В их душе – почти суеверный страх перед Израилем и почти мистическое стремление, ненавидя Израиль, избежать даже тени конфронтации с ним. Эти люди не способны ни на прочный мир с Израилем (даже Хосни Мубарак, хотя у Египта и есть полноценный мирный договор с Тель-Авивом), ни на решительную войну. Война в Ливане показала, что у арабского национализма как политической платформы нет будущего, а вопрос смены этих режимов на более исламски-ориентированные – вопрос времени.

И
В
О
С
С
Б
Е
О
Д
О
П
Х
И
В
О
Р
М

У «Хизбаллы» этого страха перед Израилем нет, и понятно, что следующее поколение арабской молодежи вырастет не на рассказах о том, как умирали в войнах с Израилем, как попадали в плен, как гибли тысячами почем зря, а на том понимании, что Израиль можно если не побеждать, то наносить ему очень серьезные поражения. Именно «Хизбалла», нравится это кому-то или нет, сейчас обладает идеологическим лидерством на арабской улице. Вопрос в том, игнорировать этот фактор, объявляя ведущую силу Ливана «террористами», или попытаться его понять. Ибо «Хизбалла» в отличие от арабских националистов – фактически одноклассников и единомышленников Саддама Хусейна – способна как на серьезную конфронтацию с Израилем, так и на долгосрочный мир с ним. Она достаточно сильна и для того, и для другого. Вопрос только в том, насколько Израиль будет сейчас способен переосмыслить свое место на Ближнем Востоке и понять новые реалии. Пока надежды на это малы, уж больно слабым – и от этого наглым выглядит изрядно измельчавший израильский политический класс.

ГРУЗИНСКИЙ ГАМБИТ?

Фактором, который в определенной мере подтверждает гипотезу о формировании в системе международных отношений новой волны конфликтов (связанной с ожиданием обострения ресурсного противоборства), является значительный всплеск напряженности в российско-грузинских отношениях. Практически, поведение США, подталкивающих своего сателлита Михаила Саакашвили к конфронтации с Россией, ничем не отличается от классики жанра в рамках ресурсного противоборства XIX–XX веков: когда великая держава жертвует пешкой для того, чтобы обеспечить себе более выгодные позиции для последующего геополитического броска.

Кстати, направление геополитического броска США понятно – создать путем прямого военного присутствия геополитический плацдарм в Восточном Причерноморье, от Азербайджана до Грузии. А если не удастся, то превратить этот регион в зону перманентной нестабильности, подобную Ираку. Это – еще легче. Этим они смогут не столько нанести удар по позициям России, сколько создать для себя возможность постоянно и без дополнительных усилий контролировать важнейшие нефтяные коридоры. Ведь и трансчерноморский нефтепровод, и голубой поток окажутся либо в зоне перманентной военной нестабильности, либо в прямой досягаемости самых элементарных ударных средств американских вооруженных сил. И это будет дополнительным инструментом влияния не только и не столько на Россию, сколько на союзников в ЕС, для которых вопрос топливной безопасности чрезвычайно актуален.

Таким образом, Россия оказалась перед неприятной перспективой либо политической *потери лица* в полемике с Михаилом Саакашвили – типичным популистом-обскурантом, либо открытого противопоставления себя и США, и Европе. Конечно, в среднесрочной перспективе наши европейские партнеры не менее России заинтересованы в замене Саакашвили на более приемлемую фигуру, однако в силу присущей «прогрессивному человечеству» антироссийской солидарности вряд ли решатся подать собственный голос.

Из этого вытекает один из главных уроков для российской внешней политики последних лет: можно играть до бесконечности в виртуальные игры и заниматься информационными войнами. В этом плане *по очкам* Россия давно победила Саакашвили. Однако толку с этого – чуть, поскольку главным нашим если не противником, то оппонентом в данном случае является не Саакашвили, а США. И если принять эту неприятную истину, победит не тот, кто красивее обольет грязью оппонента, а тот, у кого, в конечном счете, больший запас практических шагов и практически значимых ресурсов, включая и силовые. А у США они существенно больше, чем у России, не говоря уже о свободе действий.

Если в эпоху *глобальной борьбы с терроризмом* и *оранжевых революций* отсутствие у нашей страны реального ресурсного потенциала, а иногда и отсутствие политической воли его применить было терпимым – как-никак и *борьба с терроризмом*, и *оранжевые*

революции тоже проекты во многом виртуальные, то если справедлив прогноз о наступлении эпохи ресурсной борьбы, сохранение подобных подходов в новом мире будет самоубийственным. **Эпоха ресурсного противоборства не признает побед по очкам. Она признает только победы нокаутом.**

Случай с Саакашвили показателен и тем, что доказывает в целом бесплодность попытки получить ресурс влияния на Западе путем укрепления имиджа. В случае столкновения России даже с откровенно невменяемой личностью типа Саакашвили симпатии Запада в целом остались не на стороне России, достаточно почитать европейскую и американскую прессу. Мораль: надо меньше думать об имидже и больше о том, насколько то или иное действие соответствует нашим интересам. В конечном счете считаются только с теми, кто способен доводить задуманное до конца, не отвлекаясь на полемику с окружающим миром. Как говорится, не мечите бисер...

Абдулазиз Сагер (Саудовская Аравия), председатель Исследовательского центра Залива – по электронной почте из Дубая: *Кризис в Ливане в июле определенно увеличил обеспокоенность по развязыванию региональной ближневосточной войны, которую следовало бы отразить и в показателях за август. Когда эти страхи не материализовались, ситуация стабилизировалась. Тем не менее, с ростом насилия в конце октября в Ираке и озабоченности по поводу увеличения межрелигиозных столкновений в регионе барометр снова качнулся в сторону более пессимистического настроения. В целом, я согласен, что данные индекса верно отражают общее состояние безопасности.*

Тем не менее к взаимоотношениям с США по поводу Михаила Саакашвили и того, что именуется Грузией, надо относиться серьезно. В том-то состоит смысл и привлекательность ресурсного противоборства с использованием потенциала сателлитов, что он – за редкими исключениями, которые, как правило, связаны либо с личностными факторами, либо с внутренней ситуацией в той или иной стране, позволяет решать глобальные задачи на локальных и малозначительных площадках. И противостояние России и Грузии, если Москва будет и дальше допускать ошибки, а в Вашингтоне не возьмет верх линия радикал-истериков, будет как бы абстрагировано от *Большой игры*, а главное – не потребует от США больших затрат, за исключением под-

кормки окружения Саакашвили, которое, как известно, в целом неприязнительно.

Иногда складывается ощущение, что для современных Соединенных Штатов Грузия является тем же самым, чем для Великобритании была Финляндия в конце 1930-х гг.: своего рода жертвенный агнец для Сталина, который уже обозначил свою готовность восстановить влияние Москвы на окраинах бывшей империи. Погибнет Финляндия под пятой сталинского сапога – неплохо, ибо Россия оказывается в полнейшей международной изоляции и Гитлер уж точно повернет свои взоры на Восток. Не погибнет – тоже неплохо: по престижу СССР будет нанесен серьезный удар, а Красная Армия дискредитирует себя как серьезная военная сила. Проблема в том, что Россия – не СССР, Грузия – не Финляндия, грузины не финны, а Саакашвили, прошу прощения, точно не Маннергейм. Но доказывать это миру придется России – у грузинского руководства, как мы поняли, в глазах *прогрессивной общественности* тотальная презумпция невиновности.

Вызывает восхищение готовность американцев втягиваться если не в *большую игру*, то в серьезное силовое противоборство вокруг Грузии в момент, когда еще не решены проблемы, связанные с присутствием американских войск в Ираке; когда ситуация в Афганистане, мягко говоря, *поплыла*; когда авторитет США в развивающемся мире упал до самой низшей точки после вьетнамской войны. Однако, вероятно, в США понимают, что ставки в ресурсном противоборстве очень велики и надо рисковать, в т.ч. избавляясь от ненужных союзников – своего рода *чемоданов с оторванной ручкой*. Тем более что в том, что благодаря столкновению с Грузией они смогут нейтрализовать россий-

И
В
Р
О
С
С
И
И
Н
Д
Е
К
С
Б
Е
З
О
П
А
С
Н
О
С
Т
И

ский фактор в Закавказье и Причерноморье – во всяком случае, на пару-тройку лет, наши партнеры в Вашингтоне, видимо, почти уверены.

АФГАНИСТАН: ЛАКМУСОВАЯ БУМАЖКА СМЕНЫ ВЕХ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Кстати об Афганистане. Именно *кстати*, ибо в течение пяти лет война в Афганистане была откровенно *забытой*, и считалось, что это государство легко станет образцом того, как можно построить *типа демократию* в многоукладном обществе с исламской доминантой. С другой стороны, еще год назад стало понятно, что умные люди в США сделали ставку на максимально мягкое *выползание* из Афганистана и передачу основной полноты ответственности за ситуацию там в руки европейцев, которые хотели доказать свою геополитическую состоятельность и способность реализовывать операции по проецированию силы и стабилизации ситуации в почти глобальном масштабе. Иными словами, в США хотели реализовать идею еще времен Вьетнамской войны – *объявить, что победили, и – уйти*. Что и понятно, поскольку автором этой замечательной формулы являлся не кто иной, как ушедший в ноябре 2006 г. в отставку министр обороны США Дональд Рамсфелд. Не удалось, не успели. Уже к сентябрю потери союзников США по НАТО за 2006 г. превысили совокупные потери за последние пять лет, но и потери США не уменьшились. Но не это главное – талибы, о победе над которыми многократно заявлялось, перешли к наступательным операциям и попыткам захвата населенных пунктов от мелкого терроризма и арьергардных боев с многонациональными силами где-то в труднодоступных горах. То есть они перешли к попыткам восстановления контроля над территорией. Это – принципиальный сдвиг, который говорит о том, что местное население если не поддерживает талибов, то, как минимум, не относится к ним резко негативно. И в этом – источник проблем США и их западных союзников: они не смогли сформировать общественно-политическую парадигму, которая бы в течение длительного времени оказалась привлекательной для афганского общества. Фактически, США воссоздали с некоторыми послаблениями доталибскую общественную ситуацию: бандитизм, торговля наркотиками, всевластие полевых командиров. То есть именно ту среду, из которой и выросли талибы. Не обязательно, конечно, ситуация в Афганистане пойдет по кругу (все же антиталибская прививка была достаточно сильна), однако то, что Афганистан еще очень долго останется точкой расхождения ресурсов и США, и НАТО и что Вашингтону не удастся быстро попрощаться с афганскими горами и *зеленкой*, – это даже не вопрос.

Но и тут мы видим проявления подготовки к ресурсному противоборству и явные признаки *смены вех* в мировой политике. Ведь и операция в Афганистане, и американское военное присутствие в государствах Центральной Азии относятся к 2001 г., к периоду – несмотря на события 11 сентября – наивысшего взлета американского политического глобализма. К периоду, когда США еще и в страшном сне не думали о том, что им придется участвовать в борьбе за ресурсы, когда господствовала – даже в умах самых умеренно настроенных американских деятелей – уверенность в том, что США на вечные времена будут глобальной стабилизирующей силой, которая призвана обеспечить безопасность дружественных режимов.

Напомню, что после разгрома талибов, по сути, оставалось только три недружественных режима: Северная Корея, Куба и Иран, да где-то на заднем плане копошился *батька* Лукашенко, *лугало* для нервических европейских политиков. И тогда строительство стабильного и умеренного в религиозном плане режима в Афганистане было не просто вопросом политического престижа, это было вопросом доверия к американским политико-управленческим технологиям, а помимо этого – возможность контролировать один из потенциальных транспортных коридоров (хотя вряд ли трансафганский маршрут когда-либо рассматривался как реальный проект). Теперь – другое дело. И режимов, которые откровенно игнорируют мнение США, поприбавилось, но главное – изменилась суть международных процессов.

В рамках борьбы за ресурсы государство обязано концентрироваться на ключевых для себя направлениях активности, каковым Афганистан не является ни для США, ни для ЕС. Что до стабильности в Центральной Азии, то для США было бы даже неплохо, если бы регион вновь превратился в полноценную *горячую точку*. В конечном счете, сейчас Россия обладает в регионе несколько большим влиянием, нежели США, да и общая динамика не в пользу наших американских партнеров. Так что нестабильность в Центральной Азии – это проблема России, для которой этот регион – безусловный ресурс влияния, но никак не проблема США, которым эти страны (при всей риторике о *революции тюльпанов и правах человека*) не жалко, не говоря уже о конкретных физических лицах.

Именно в этом контексте следует воспринимать *наезд*, а по-другому не скажешь, американцев на Пакистан, который внешне выглядит нелогичным. Действительно, с точки зрения прежней логики совершенно непонятно, зачем с упорством, достойным лучшего применения, дестабилизировать в общем-то проамериканский режим в антиамерикански настроенной стране, да еще и обладающей атомным оружием. Но с точки зрения логики системы ресурсного противоборства это очень даже понятно: превращая уже не только Афганистан, но и Пакистан в кипящий котел под *неоталибским* соусом, США, жертвуя сомнительным и, добавим, дорогостоящим ресурсом, могут легко получить куда более важный ресурс: Индии, которая, будучи зажата между Китаем, уже не скрывающим своих амбиций, и агрессивно исламистским Пакистаном, будет просто вынуждена принять американские правила партнерства, хотя в принципе они могут оказаться для Индии весьма приемлемыми. Во всяком случае до окончательной легализации Индии как ядерного государства остался один шаг.

НОВАЯ ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ: НАСКОЛЬКО РЕАЛЬНЫ ОПАСЕНИЯ

Много в последние полгода стали говорить о возможности начала новой гонки вооружений. Отчасти это соответствует действительности, однако только отчасти. Например, забывают, что одними из главных источников современной гонки вооружений являются Соединенные Штаты. Не сумев осуществить полноценную экономическую и политическую конверсию ВПК и исчерпав ресурс *пропуска цикла* в развитии ВПК, они вынуждены вернуться к закупкам вооружений. Косвенно увеличение закупок вооружений со стороны США говорит о том, что в благополучной внешне американской экономике наступает определенный кризис в развитии промышленности и налицо фактор недогруженности производственных мощностей оборонки, который ранее было с успехом игнорировать. В результате, США вынуждены переходить от разовых, как бы пробных закупок к полномасштабному серийному приобретению современных образцов вооружения и военной техники.

Если говорить о прочих проявлениях, которые должны свидетельствовать о начале якобы новой *гонки вооружений*, то в действительности они носят локальный характер, который во многом объясняется *отложенным спросом*, то есть заменой отживших свой век вооружений, поставленных в ряд стран, например Алжир, Сирию, еще на закате Советского Союза. Но есть и важные исключения. Прежде всего, оборонные программы Индии и КНР, которые имеют одну природу, однако различное содержание.

Оба государства поставили перед собой задачу существенного повышения своего статуса на мировой арене. Однако, если Индия стремится создать эффективные инструменты проецирования силы и влияния в трансрегиональном масштабе, в КНР, вероятно, стратегическая задача определена как выход на уровень примерного стратегического паритета с США. Таким образом, можно говорить, что нынешний рост военных расходов действительно является результатом формирования полноценной глобальной многополярности, то есть процесса, который политически был заявлен еще шесть-семь лет назад, однако только теперь стал проявляться в практических и понятных формах.

И
В
Р
О
С
С
И
И
О
Д
П
Х
Ы
В
О
Р
О
М

А если гипотеза о том, что нынешний рост интереса к закупкам современных вооружений есть индикатор подготовки целого ряда новых *центров силы* к развитию в условиях реальной силовой многополярности, то тогда стоит предположить, что новая эпоха с точки зрения военно-политических аспектов развития системы международных отношений будет эпохой ресурсного противоборства.

ВАШИНГТОН И НОВЫЙ МИР: БЕЗ СТРАХА ПЕРЕД ТРУДНОСТЯМИ

Наивны надежды тех в России, кто считает, что перед лицом нарастающих трудностей в проведении своей внешней политики, на фоне катастрофического падения авторитета США в мире, Вашингтон уйдет в изоляционизм, откажется от концепции силового экспорта демократии, которая составляла основу внешней политики администрации Джорджа Буша, и начнет с пониманием относиться к своим партнерам. Достаточно почитать высказывания лидеров американских демократов, почему зря критикующих республиканцев и за войну в Ираке, и за планы интервенции в Иран, сразу станет понятно, что принципиальных изменений в американской внешней политике не предвидится, разве что может несколько расширяться силовой *экспорт демократии*. Тем более, что исторически представители Демократической партии были более склонны к разного рода *гуманитарным интервенциям* и тому подобным забавам.

И, кстати, очень прав президент США Джордж Буш, говоря о том, что в действительности у демократов нет никакого плана действий в Ираке. Однажды в сентябре 1993 г. нынешний кумир радикальных республиканцев сенатор Джон Маккейн, проведший не лучшие месяцы своей жизни во вьетнамской тюрьме в качестве военнопленного, велело рассказывать перед весьма широкой аудиторией, что, когда он работал помощником у знаменитого Барри Голдуотера, противника расширения интервенции США в Индокитае, тот однажды сказал ему: «Джон, если бы я стал президентом, ты бы никогда не попал во вьетнамскую тюрьму». «Точно, – ответил тогда Маккейн, – я бы попал в китайскую». Барри Голдуотер был, как известно, сторонником войны с КНР. Думается, *демократическая альтернатива* в американской внешней политике сейчас подобного рода – уйти из иракского котла и попасть либо в сирийский, либо в иранский.

Перед США сейчас остро стоит вопрос смены парадигмы своей деятельности на мировой арене. Можно сделать и некое на сегодняшний день почти еретическое предположение, что раздувание жупела новой гонки вооружений, которое также началось именно полгода назад, и постановка вопроса о необходимости его сдерживания всем *цивилизованным миром* для США носит вполне прагматический политический характер. Всеобщая борьба за контроль над вооружениями призвана заменить прежнюю

парадигму в системе международных отношений, коей была всеобщая борьба с международным терроризмом. Действительно, пятилетие глобальной борьбы с терроризмом, в целом, при удачном ходе этого процесса для США с точки зрения обеспечения собственной безопасности (в конечном счете, США борются с мировым терроризмом на территории других государств, а не у себя дома) политически оказалось полным провалом. Из той широкой коалиции, которая поддержала США после 11 сентября 2001 г., сейчас осталась только Великобритания, да еще несколько сателлитов, которых с натяжкой можно назвать самостоятельными государствами. Как консолидирующая

 Екатерина **Степанова (Россия)**, старший научный сотрудник, руководитель Группы по нетрадиционным угрозам безопасности Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН – по телефону из Москвы: *Вычисление индекса представляет собой выработку системы так называемого «раннего предупреждения». У меня есть сомнения относительно подсчета и самой попытки выразить одной цифрой международную безопасность. Это скорее индекс прогнозов и оценок.*

Константин Эггерт (Россия), главный редактор Московского бюро Русской службы ВВС – по электронной почте из Москвы: *Война в Ливане, ядерные испытания Северной Кореи и напряженность вокруг Ирана, панические доклады британских ученых об угрозе изменения климата и заявления ООН о распространении венерических заболеваний в развивающихся странах должны были бы вызвать всплеск тревоги у экспертов, однако не вызвали. Индекс показывает, что ситуация в мире в целом не вызывает большой тревоги. Это выглядит несколько странно, так как после ядерного взрыва, проведенного в Пхеньяне, возможность ядерного конфликта в Азии объективно возросла.*

идея концепция глобальной борьбы с терроризмом себя исчерпала и должна быть, естественно, заменена на новую. Борьба против новой гонки вооружений, особенно учитывая, что эти процессы соотносятся с государствами, которые США не слишком симпатичны, может дать Вашингтону дополнительную поддержку в мире. Конечно, для создания новой парадигмы потребуются формализованные и имеющие реальную международную легитимность механизмы, так что найдется занятие и для ООН.

То, что происходит смена парадигмы, доказывается тем, с какой легкостью США позволили Израилу утопить в крови ливанскую *оранжевую революцию*. Понятно, что после устроенного израильянами погрома американские ставленники вряд ли имеют серьезные электоральные перспективы в Ливане. А ведь за ливанских «оранжевых» день-

ги были уплачены немалые, и ставка на них делалась более чем серьезная. Иными словами, *оранжевые* – и не только в Ливане, вероятно, будут в дальнейшем использоваться не столько как союзники, сколько как «запал» для силовых комбинаций, причем политические перспективы бывших *надежд прогрессивного человечества* Вашингтон в принципе уже не интересуют.

Ибо такова логика новой эпохи, которая, вполне вероятно, будет эпохой противоборства за контроль над ресурсами: природными, транспортными, информационными, геополитическими. И кстати, стремление отдельных стран действовать именно в направлении контроля над ресурсами замечалось раньше. И давно было подмечено, что для обеспечения американской глобальной гегемонии уже недостаточно только контроля над финансовой сферой и доминирующей военной мощи. США уже давно занимались установлением косвенного политического, а не только экономического контроля над ресурсно значимыми территориями. Однако все эти *звоночки* или, как мы сказали выше, *камушки* относились на счет чудачеств отдельных американских политиков, чрезмерно погруженных в экономику. Например, Ричард Чейни, который в России приобрел черты глобального злодея, сильно напоминающего то ли Усаму бен Ладена, то ли Б.А. Березовского. Думается, на Чейни – хотя это действительно крупнейший глобальный лоббист – грешили зря. Просто колесо истории уже начало разворачиваться в том направлении, где очень важно иметь не *только идеалы свободы и демократии*, но и запасы нефти, газа, угля, контроль над транспортными коридорами и т.д. А *большие батальоны* становятся важнейшим инструментом для достижения поставленных целей, поважнее, нежели цитаты из Джорджа Вашингтона.

Так что победа Демократической партии на ноябрьских выборах в Конгресс при всей ее важности не много изменит в американской внешней политике. Просто придут другие лица, которые могут оказаться куда менее приятными собеседниками, нежели ставшие привычными и почти родными неоконсерваторы. Да и в целом нам пора отучиться от мысли, что краткосрочные сдвиги в американской внутренней политике могут сильно поколебать устои политики внешней. Конечно, прецеденты, когда именно на выборах решалось, какой быть роли Америки в мире, случались. Однако – не сейчас. Ибо сейчас – время изменения общего характера системы международных отношений, и американская элита не может позволить себе метаний. И если приглядеться – за частоколом пышных высказываний о демократии уже проглядывает

стремление США сосредоточить свои ресурсы на наиболее важных направлениях. На направлениях, которые важны с точки зрения будущей эпохи, эпохи ресурсного противоборства.

Если увидеть это, становится понятно, почему США сравнительно спокойно относятся к чудачествам своих латиноамериканских соседей вроде Уго Чавеса и Эво Моралеса. Еще каких-нибудь 20 лет назад в ответ на куда менее яркие выходы местных прокубински настроенных леваков была собрана экспедиционная *зондеркоманда*, которая «зачистила» Гренаду. Менее 15 лет назад Джордж Буш-старший, во многом из соображений личного престижа, провел геополитически не нужную операцию в Панаме и отправил в американскую тюрьму Мануэля Норьегу. А теперь его сына, но мало что сына – президента США поливают со всех трибун, создают геополитические блоки, покупают оружие, которое в принципе может изменить региональный баланс сил. Чуть было не спровоцировали приход в почти карманной Мексике к власти леворадикального правительства, а Соединенные Штаты проявляют подозрительное хладнокровие. Что, изменилась имперская сущность американской политики? Нет. Что, Джордж Буш-младший перестал верить в свое мессианское предназначение? Тоже вряд ли. Изменилась парадигма международных отношений. Теперь Америке не до сведения личных счетов и сохранения душевного комфорта руководства. Теперь надо заниматься наиболее важными ресурсными точками, а Латинская Америка к таковой в действительности не относится. И поэтому терпит Вашингтон хулиганские выходы, решаясь максимум на то, чтобы слегка *покошмарить* венесуэльского министра иностранных дел, да и то после неуклюже извиняясь. Их, поверьте, *зачистят* несколько позже, причем жестко и показательно – чтобы другим неповадно было. Но только после того, как будут решены главные вопросы и обеспечены интересы США на первостепенных площадках.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: РОССИЯ И ВЫЗОВ НОВОЙ ЭПОХИ

А теперь о России. В идеале было бы неплохо пережить начало новой эпохи на периферии мирового пространства, но география распорядилась так, что Россия является одновременно и участником борьбы за ресурсы, и ресурсом, за который не прочь при определенных условиях побороться другие серьезные игроки на мировой арене. Так что для России наступление новой эпохи – не только возможность исправить отдельные несправедливости 1990-х гг., но и грандиозный вызов, фактически тест на готовность и способность быть субъектом политики, а не ее объектом. И этот вызов в последние месяцы становится все более очевиден.

Нам настоятельно следует не просто понять суть эпохи ресурсного противоборства, но и переосмыслить методы, которыми мы действуем на мировой арене. Если хотите, внешняя политика России должна стать политикой просвещенного цинизма, а военная политика – политикой собирания сил. Цинизм – в том смысле, что мы должны, постепенно выбираясь из дебрей виртуальной политики, иметь дело с реальными силами, заниматься реальными проектами, получать реальных союзников, прекратив увлекаться тем, что красиво называется *внешнеполитической пропагандой*. Просвещенным – потому, что надо жить не только сиюминутными интересами, но понимать динамику ситуации и выстраивать политику в расчете на годы вперед.

Собирание сил заключается в том, что нам уже очень скоро, скорее, чем нам этого хотелось и думалось, потребуются полноценные вооруженные силы, способные не просто гоняться по горам и лесам за басаевскими бандитами, а контролировать территорию. Их должно быть не так уж и много – например, США для того, чтобы обеспечивать осуществление в целом масштабной и интенсивной операции в Ираке требуется с учетом ротации подразделений около 300 тыс. человек. Можно считать, что эта цифра, но при условии, что это будут обученные, сытые и полностью боеготовые подразделения, извините за цинизм, *головорезы* – тот индикативный уровень, на который мы должны стремиться выйти уже в самое ближайшее время.

И с этой точки зрения, может быть, стоит по-новому взглянуть на ситуацию вокруг Грузии. В конечном счете, что бы ни писали в американских газетах и журналах, Грузия отнюдь не является ключевым геополитическим ресурсом. Это территория с сомнительной экономической ценностью, обладание которой, конечно, несет определенную долю внешнеполитического престижа. Однако стоило бы, прежде всего, сконцентрироваться на подготовке к борьбе за реально ресурсно значимые территории, а не тратить, увы, немногочисленные политические и силовые возможности на то, чтобы поставить на место полувменяемого политического банкрота. Саакашвили мы, конечно, *зачистим*, но позже, когда сможем себе это позволить без ущерба для нашей основной задачи – постановки под контроль, желательно прямой, максимального числа ресурсно значимых территорий. В конечном счете, Джордж Буш терпит Уго Чавеса (кстати, почти точный зеркальный клон Саакашвили, но Чавес, – это, как говорится, *наш сукин сын* или, в крайнем случае, – почти *наш*), и мы вполне можем потерпеть грузинского лидера. Особенно если перестанем его дотировать в прямой или косвенной форме, и начнем воспринимать его появление на телеэкране как некий аналог шоу Евгения Петросяна – как говорится, *шутки разных широт*.

В свое время Л.Н. Гумилев заметил, что века и столетия иногда не совпадают. Когда-то они начинаются раньше (например, XIX век с его чудовищными наполеоновскими войнами и европейскими революциями начался еще в XVIII), когда-то позже. XXI век, впрочем, как и его предшественник – век XX, который начался в 1914 г., – закончился позже, нежели был в брызгах шампанского отпразднован *миллениум*. А, может быть, *миллениум* еще и не начинался. Может быть XXI век, контуры которого уже давно пытались угадать политики и политологи, только еще подступает к нашим воротам. Только надо помнить, что в конечном счете все века начинались с заметного всем, иногда – просто катастрофического – изменения характера войн и роли военной силы в мире. И только потом, по прошествии некоторого времени оформлялась новая политическая картина мира. Вряд ли сейчас будет иначе – ведь сейчас на опыте последнего полугодия мы обсуждаем не что-нибудь, а вопросы, связанные с оформлением новой роли военной силы в мире, новых способов ее применения и нового ее восприятия основными участниками системы международных отношений. Так что XXI век начинается...

Дмитрий Евстафьев

Примечания

¹ «Хизбалла» – шиитская террористическая организация, базирующаяся на территории Ливана. Создана и финансируется руководством Ирана. Ее вооруженные формирования насчитывают около 6000 человек. «Хизбалла» снабжает оружием и обучает боевиков палестинских террористических организаций «Хамас» и *Исламский джихад*. По своей ненависти к США и Израилю не уступает *Аль-Каиде*. См.: Штейнберг Марк. Удары с севера и изнутри. *Независимое Военное Обозрение*. 2003, 7–13 марта.

² “If we should have learned one thing from 9/11 ... it is that when somebody says over and over again, as Osama bin Laden did during the 90’s ‘I hate you and give me a chance, I will kill you’ they may mean it and try to do it”. *Washington Post*. 2006. January, 30. P. A17.

³ Документ ООН S/Res/1701 (2006). Para 8.

⁴ “The war we fight today is more than a military conflict. It is the decisive ideological struggle of the XXI century”. *Financial Times*. 2006. September 1. P. 7.

⁵ Мясников Виктор. У нас появился ядерный сосед. *Независимое Военное Обозрение*. 2006, 13 октября. <http://www.ng.ru/printed/6879>

⁶ Резолюция 1718 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5551-м заседании 14 октября 2006 г., S/RES/1718 (2006). <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2006/res1718.htm>

⁷ Стенограмма выступления Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в МГИМО(У) МИД России по случаю начала нового учебного года, Москва, 1 сентября 2006 г., 1455-01-09-2006. http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/a25a36a2bd8f443cc32571dc0045e2b5?OpenDocument

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ ВВС РФ помогут Абхазии и Южной Осетии в случае нападения на них Грузии. *Rambler Mass media*. 2006, 13 октября. <http://www.rambler.ru/news/events/russiageorgia/8896383.html?print=1>

¹⁴ Бжезинский Збигнев. Глазами шахматиста. Независимая газета. 2006, 27 июня. <http://www.ng.ru/printed/68930>

¹⁵ Стенограмма выступления Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в МГИМО(У) МИД России по случаю начала нового учебного года, Москва, 1 сентября 2006 г.